

Бернд Мёллер

Реликвия Лютера*

I.

Для начала несколько слов о самом предмете. Речь идет о стакане – небольшом конусовидном кубке¹ высотой 10,3 см, диаметром по верхней кромке 10 см с изысканно украшенными толстыми стенками. Он изготовлен из стекла с легким оттенком топаза, орнамент составляют волютообразные завитки и бороздки (с недавних пор среди них находят и мотивы древа жизни²). **Илл. 1**

Стакан не является единственным в своем роде. На сегодняшний день исследователям известны 15 бокалов этого типа, сохранившиеся целиком или частично³. Впрочем, несмотря на сильное сходство, двух одинаковых среди них не найти. На отдельных экземплярах отчетливее, чем на других, представлена фигурная орнаментировка, животные и растительные мотивы; стаканы могут различаться по цвету, а некоторые и по размеру. От других же их отличает прозрачность стенок и еще одна деталь: это единственные ограненные стаканы, дошедшие до нас за тысячу лет, начиная с античности и до эпохи Возрождения⁴.

Наука уже более ста лет занимается изучением стаканов данной группы. Об их происхождении, насколько я могу судить, достаточно достоверно известны следующие три обстоятельства. Во-первых, стаканы происходят не из Европы, а из восточного Средиземноморья; при этом современные исследователи склоняются, скорее, в пользу Византии, чем Египта⁵. Во-вторых, судьбу многих стаканов удается проследить вплоть до начала XIII в., и некоторые детали говорят о том, что все они или некоторые из них попали в Европу в ходе третьего и четвертого крестовых походов, т.е. около 1200 г. В-третьих, практически в каждом случае удается доказать, что стаканы

* *Moeller B. Eine Reliquie Luthers // Jahrbuch der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Für das Jahr 1982. Göttingen, 1983. S. 33-55.* При переводе мы пользовались перепечаткой текста

находились во владении князей или знатных лиц. К ним относились как к неслыханным ценностям, экзотическим предметам, не сравнимым по своей прозрачности ни с чем дотоле известным. Поэтому такие стаканы служили в качестве реликвариев, а порой, возможно, и литургических сосудов. А между тем чудеса творились и в них и с ними самими.

За стаканами этого типа в науке закрепилось название «бокалы св. Ядвиги (Хедвиг)», поскольку с одним из них (тем, что прежде хранился в музее г. Бреслау, а ныне утерян⁶) была связана легенда из жизни этой святой. Ядвига происходила из знатной баварской династии Андексов, имевших в своем роду и других святых и располагавших большим количеством реликвий. Выйдя замуж, она стала герцогиней Силезской, а вскоре после кончины в 1243 г. была канонизирована и провозглашена небесной покровительницей Силезии.⁷ Как повествует легенда, набожная женщина, следуя своей аскетической практике, употребляла в питье только воду из этого бокала. Обеспокоенный состоянием ее здоровья супруг протестовал и как-то раз внезапно пожаловал к трапезе, чтобы проверить, что же находится в стакане, однако вода превратилась в вино⁸.

Впрочем, тот из стаканов св. Ядвиги, историей которого займемся мы, принадлежал, как считается, не ей, а ее племяннице, св. Елизавете, дочери венгерского короля, впоследствии ландграфине Тюрингской. Сочтя заботу о бедных делом своей жизни и принеся себя им в жертву, она скончалась в Марбурге в 1231 г. в возрасте 24 лет⁹. Пережив племянницу на двенадцать лет, Ядвига прикрывалась в свой смертный час вуалью, прежде принадлежавшей Елизавете, – вероятно, надеясь так ослабить страх перед смертью¹⁰.

Должен признаться, я не слишком доверяю преданию о том, что этот стакан принадлежал лично св. Елизавете. Упоминания о нем начинают встречаться лишь с XIV в., когда он находился в ризнице небольшой францисканской обители, основанной в 1331 г. у подножия

в сб.: *Idem*. Die Reformation und das Mittelalter: kirchenhistorische Aufsätze / Hg. von J.

холма, на котором стоит замок Вартбург и известной как «Cella sanctae Elisabeth»¹¹. Возникновение обители следует связывать, вне всякого сомнения, с тогдашним ландграфом из рода Веттинов Фридрихом III, так что в принципе вполне возможно, что наш стакан принадлежал ему и происходил из Вартбурга. Как бы то ни было, он дает некоторое представление о блеске двора тюрингских ландграфов XIII столетия, при котором протекала придворная жизнь св. Елизаветы.

II.

Такова первая веха в истории нашего стакана св. Ядвиги или, точнее, св. Елизаветы. Как мы видим, она до некоторой степени туманна. Следующую остановку мы сделаем, перенесясь в год 1470. Со дня смерти Елизаветы прошло, стало быть, двести с лишним лет (такой же период времени отделяет нас сегодня от событий Семилетней войны и детских лет Гёте), но за окном мало что изменилось: по-прежнему позднее средневековье; странная неторопливость этой эпохи дает о себе знать и в истории нашего стакана.

И вот что мы узнаём: стакан, оказывается, уже покинул эйзенахских францисканцев. Он был изъят у них вместе с поясом и ложкой св. Елизаветы¹² и вместе с этими реликвиями хранится теперь у правящего в Веймаре герцога – Вильгельма III Веттина и его супруги Екатерины фон Бранденштайн, пожилой и бездетной четы. Они высылают названные реликвии по первому требованию готовящимся родить родственницам. Собрание писем за 1469-1482 гг., хранящееся в государственном архиве Веймара, содержит соответствующие сообщения¹³ и свидетельствует: к такого рода помощи при родах прибегали жены саксонских и бранденбургских курфюрстов — герцогов и маркграфов, принадлежавших к веттинской линии¹⁴. В общей сложности роды при содействии реликвий св. Елизаветы

Schilling. Göttingen, 1991. S. 249-262. Перевод публикуется с любезного разрешения автора.

проходили одиннадцать раз и, насколько известно, все они были удачными. Именно таким образом – при предстательстве св. Елизаветы – в числе прочих младенцев родился человек, которому спустя пятьдесят лет было суждено стать одним из главных антагонистов Реформации – могущественный противник Лютера саксонский герцог Георг Бородатый¹⁵.

„Напутствие’ «к счастливым и быстрым родам»¹⁶ – вот роль, которая отводилась реликвиям. Стакан, по-видимому, использовался при питье чудотворного вина. По крайней мере, как сообщает в 1474 г. один из «получателей» реликвий – бранденбургский курфюрст Альбрехт Ахилл, его жена курфюрстина Анна, счастливо разрешившись от бремени, «повелела налить побольше вина в кубок и затем, перелив вино в другой сосуд, раздавать его бедным женщинам [т.е. роженицам – *прим. перев.*]»¹⁷. Тем самым освященное вино в известном смысле заготавливалось впрок, а слава самой реликвии возрастала.

Вся описанная процедура до крайности причудлива. Конечно, в сонме святых средневековой церкви было немало таких, кто зарекомендовал себя покровителем или покровительницей рожениц, к которым обращались при необходимости¹⁸. Однако св. Елизавета не принадлежала к их числу, и ни одно из приписываемых ей чудес не было связано с помощью при родах¹⁹. Таким образом, этот стакан развивал свои чудотворные качества совершенно независимо от самой святой, чьей реликвией он являлся. В целом же свидетельства о том, что реликвии помогали при родах, вообще, по-видимому, чрезвычайно редки²⁰.

Еще более удивительно следующее обстоятельство. В случае со св. Елизаветой для помощи при родах использовались не только ее стакан, пояс и ложка: сохранилась параллельная веймарским письмам корреспонденция о том, что аналогичные результаты достигались благодаря другому предмету и на благо иным адресатам. Так, из Марбурга, главного места почитания св. Елизаветы, рассылался – и

тоже в связи с родами – плащ святой, хранившийся в ризнице тамошней церкви св. Елизаветы²¹. К сожалению, марбургская традиция хуже документирована источниками, чем веймарская, но все же удается выявить, по меньшей мере, три случая такой пересылки реликвии. Они приходятся на 1468, 1485 и 1490 гг. и, тем самым, по времени примерно совпадают с веймарскими свидетельствами. Отличие состояло лишь в одном: эта марбургская святыня, плащ, пересылалась женщинам не из линии Веттинов, но, по большей части, родственницам гессенских ландграфов из брабантской династии. В двух случаях тому имеются прямые подтверждения²².

Если мы верно интерпретируем данные обстоятельства, складывается впечатление, что наш стакан св. Елизаветы, равно как и другие святыни, играл в рассматриваемые десятилетия специфическую и, надо добавить, двоякую роль. Он был помощником при родах, средством совладать с этим бичом женщин прежних времен, от которого не был избавлен никто: ни простолюдинки, ни княгини. С его помощью стремились ослабить страх перед родами, отвратить опасность смерти. Но вместе с тем была у него и дополнительная политическая функция. В эпоху, когда в Германии происходило «сгущение» территориально-государственной организации, обе династии, так или иначе возводившие свои родословные ко св. Елизавете, – Веттины и Брабанты - пытались использовать, каждая в своих интересах, небесное покровительство, которым они сообща располагали. Древнее, бытовавшее много веков представление о том, что у семейств высшей знати должны иметься надежные заступники и в сонме святых²³, привело к возникновению примечательной практики. Прародительница, осененная святостью, должна была лично заботиться о продолжении своего рода, а точнее, двух соперничавших между собой родов. Впрочем, насколько мы можем судить, соперничество это не было смертельной враждой не на жизнь, а на смерть. Мы не располагаем ни одним свидетельством ведения политической пропаганды, которая бы ссылалась на чудеса,

происходившие при рождении, и, уж вовсе отсутствуют эпизоды соперничества, имевшего место в XIII в., когда на ребре св. Елизаветы была принесена клятва, определившая линию границы между Тюрингией и Гессеном²⁴. Речь шла теперь, так сказать, о делах домашних. Обе династии стремились найти опорные пункты для своих родословных, используя себе во благо стабилизирующее действие реликвий, но не стремясь достичь с их помощью внешнеполитических успехов²⁵.

От исторически правдивого облика св. Елизаветы сохранилось до наших дней немного: он подвергся «политизации».²⁶ Сколь бы чарующ ни был скульптурный образ, взирающий на нас со стен марбургской Елизабеткирхе, мы вряд ли распознаем в облике владетельной особы, которую к тому же именовали «первой леди земли Гессен», черты набожной женщины, бегущей мира и приносящей себя в дар бедным. Столь же мало подлинных исторических черт различим мы и в чудесном стакане, из которого пили после совершившихся родов княгини династии Веттинов.

III.

Перескочив еще на несколько десятилетий вперед, в 1507 г., мы оказались у третьей остановки в истории нашего стакана св. Елизаветы. Здесь в первый раз перед нашим взором оказывается его изображение: рисунок, приписываемый Лукасу Кранаху Старшему или, по крайней мере, его школе, который ныне хранится в Веймаре²⁷. **Илл. 2** Этот на скорую руку выполненный набросок вполне точен и позволяет распознать как отдельные детали, так и общий вид предмета, о котором здесь ведется речь.

Между тем контекст, к которому относится рисунок, был шире: спустя два года, в 1509 г. по нему сделали гравюру, появившуюся в печатном виде²⁸. **Илл. 3** Впрочем, граверы²⁹ несказанно упростили стакан, так что из волшебного восточного кубка получился

неуклюжий немецкий бокал для повседневного употребления, т.н. «Krautstrunk». Именно в таком виде наш стакан и получил широкую известность, ведь гравюра с его изображением открывала так называемую «Книгу виттенбергских святынь» (Wittenberger Heiltumsbuch) – художественный альбом, каталог, рекламную брошюру – как еще обозначить это странное сочинение, при помощи которого саксонский курфюрст Фридрих Мудрый намеревался познакомить широкую публику со своей коллекцией реликвий, выставляемых в виттенбергской церкви Всех святых³⁰.

Сама по себе та книга не была для рассматриваемого периода так уж необычна: за десятилетия, предшествующие Реформации, было выпущено не менее двадцати подобных описаний³¹. В это столетие, вдохновлявшееся религиозностью и с энтузиазмом обращавшееся к апробированным церковью спасительным средствам, – эпоху, когда практика служения заказных месс, паломничеств, продажи индульгенций процветала как никогда прежде³², старые коллекции реликвий снова повсеместно оказывались в чести, а новые собрания возникали прямо-таки на глазах.

С таким же явлением сталкиваемся мы и в Виттенберге³³. Историю одной особенно значительной тамошней святыни – шипа из тернового венца Спасителя – удастся проследить в Виттенберге вплоть до XIV в. Судьба другой – большого пальца руки св. Анны – сложилась иначе: курфюрст привез ее с собой из паломничества в Иерусалим в 1493 г.³⁴ Собрание стало принимать большие, огромные и, наконец, гигантские масштабы, начиная лишь с 1507 г., когда оно было отмечено в папском бреве, призывавшем прелатов немецкой церкви оказывать содействие росту коллекции. Именно публикация бреве, как представляется, подготовила переломный момент в истории собрания³⁵. В «Книге святынь» 1509 г. перечислялось уже 5005 частиц мощей, описи же последующих лет свидетельствуют о дальнейшем росте собрания³⁶: к 1518 г. количество «экспонатов» более, чем утроилось, а в 1520 г. был достигнут наивысший показатель.

Насчитывая не менее 19013 объектов, собрание оказалось одной из крупнейших на тот момент коллекций, а возможно, и вообще самой крупной³⁷. Даже сокровищница, которую основал брат Фридриха Мудрого архиепископ Эрнст, а затем щедрой рукой пополнял и расширял преемник последнего кардинал Альбрехт (она находилась по соседству с Виттенбергом, в резиденции магдебургских архиепископов, городе Галле³⁸), долгое время не могла конкурировать с Виттенбергом по количеству выставляемых реликвий.

Благодаря почти невероятному стечению обстоятельств наш стакан св. Елизаветы оказался именно в Виттенберге. Один из наиболее опытных, авторитетных и состоятельных имперских князей³⁹ курфюрст Фридрих Мудрый употреблял в то время значительную часть своей политической активности, да и доходов на пополнение коллекции; он содействовал реализации этого проекта с неутолимостью страсти. Не только обширная дипломатическая корреспонденция, иностранные агенты и посыльные⁴⁰, обменные операции (где ставкой были, например, картины Кранаха⁴¹), но и практики, известные в современной торговле предметами искусства (все, включая воровство с предшествующим ему подкупом хранителей), а также многие другие средства были задействованы с одной лишь целью – расширить виттенбергскую сокровищницу «всем благочестивым христианам во исправление жизни и умножение блаженства» (allen frummen christen menschen zu besserung yres lebens vnd merung yrer seligkait), как говорится в предисловии к «Книге святынь» 1509 г.

Возникает вопрос о побудительных мотивах такого коллекционирования. Основываясь на собственном жизненном опыте, современный читатель приведет, вероятно, целый набор возможных объяснений: от удовлетворения страсти к собирательству до укрепления политического престижа власти; не побрезгует он и апелляцией к патологии. Между тем, виттенбергские деяния выделяются на фоне той эпохи лишь своей масштабностью, но ни в

кчем случае не самим характером. По крайней мере, частичное объяснение можно найти, исходя из их религиозного контекста: ценными, привлекательными и завораживающими делала реликвии, собственно говоря, вовсе не их агиологическая или же некая историческая значимость – ведь в собрании могли оказаться самые невероятные объекты: кусочек охваченного пламенем тернового куста Моисея, скелет умерщвленного в Вифлееме младенца, обломки камня, с которого Христос вознесся на небо. В известном смысле весь сонм святых оказался собран в одном месте, однако не это будоражило умы, но, главным образом, вера в то, что представленные объекты могут оказать непосредственную, личную помощь каждому человеку. По сути дела, коллекция и жила-то благодаря связи, установившейся между собиранием реликвий и практикой выдачи индульгенций, она явилась отражением того громадного значения, которое приобрела торговля индульгенциями⁴² накануне Реформации.

В понедельник, следующий за воскресением *Misericordia Domini*, и на праздник Всех святых реликвии выставлялись в придворной церкви Виттенберга. Всякий, кто в эти дни их благоговейно созерцал, читал определенные молитвы и вносил некоторую плату, получал от каждого объекта, представленного в собрании, четко фиксированное отпущение грехов⁴³: период мытарств души в чистилище за исповеданные грехи сокращался, таким образом, на определенный срок. Ко времени, когда виттенбергское собрание достигло пика своего развития, суммарное освобождение от мук чистилища, которое можно было здесь получить, составляло почти 2 млн. лет обычного покаяния и примерно такой же срок освобождения от т.н. *Quadragesimae* – сорокадневных циклов усиленной покаянной дисциплины⁴⁴. Этот вселенский временной размах был, впрочем, значительно превзойден конкурентами в Галле с предлагаемыми там 40 млн. лет⁴⁵. Если бы праотцы восстали из гробов, им показалось бы, что Рим переместился в Виттенберг, — такой вывод делал один из современников⁴⁶. Сильные страхи и

неукротимая потребность обеспечить гарантии собственного спасения – вот причины, которые, по-видимому, обусловили стремительное увеличение рассматриваемой коллекции, ее состав и притягательную силу. Люди нуждались в столь чудовищных сроках отпущения грехов, поскольку страшились столь чудовищных наказаний в чистилище.

Наш стакан св. Елизаветы, если снова обратиться к нему, занял с 1509 г. первое место в реестре виттенбергских святынь⁴⁷: содержа в себе, в свою очередь, реликвии, он открывал т.н. первую «галерею» собрания, где были выставлены реликвии святых дев и вдов⁴⁸. Исключительность определенного ему места соответствовала той мере уважения, которой пользовалась здесь св. Елизавета, ведь стакан репрезентировал именно ее. Если верить рассказам, она не только сумела сделать слепорожденного зрячим, но и воскресила не менее 16 мертвецов⁴⁹. Она затмила тем самым даже Христа.

IV.

Мы подошли к четвертому эпизоду в истории нашего стакана, когда в нее вступает, наконец, в качестве действующего лица Мартин Лютер.

Как известно, новизна его теологических установок впервые приобрела характер критики церкви в выступлении против индульгенций. Лютер богословски опроверг практику продажи индульгенций в ее средневековой форме. Он энергично выступил против ставшего до крайности внешним и приземленным благочестия и призвал сконцентрироваться на вере во спасение исключительно через личность Христа, противопоставив тем самым простоту библейских заповедей сложной системе спасения человека посредством его личных заслуг⁵⁰. Именно из Виттенберга, этого центрального для почитания реликвий и торговли индульгенциями места, начало свое победоносное шествие по миру и учение Лютера. Весьма озадачивает в данном контексте поведение курфюрста

Фридриха Мудрого: он не только терпел такого подданного, который своей деятельностью обесмысливал существование любимого детища курфюрста, возвращенного столь невероятными трудами и издержками. Напротив, в долгосрочной перспективе Фридрих поддержал этого подданного решающим образом⁵¹.

При ближайшем рассмотрении отношения между курфюрстом и профессором основанного в подвластной ему земле университета оказываются не простыми – им присуща даже известная загадочность⁵². Действительно, ни до ни после вормского рейхстага 1521 г. эти люди ни разу не встречались и не беседовали друг с другом⁵³. Виттенберг, где оба проводили большую часть времени, был тогда небольшим городком в две-три тысячи жителей. Однако курфюрст не испытывал, по-видимому, никакой потребности к знакомству и даже, кажется, робел при мысли о сближении с еретиком, которого он окружил своей милостью. А между тем не вызывает ни малейшего сомнения, что курфюрст проявлял самый живой интерес к учению и судьбе Лютера. Не исключено, что в течение некоторого времени *causa Lutheri* была для него лишь одним из многих политических средств⁵⁴. Весьма скоро, впрочем, картина решительно переменилась, и политика стала постепенно служить только арсеналом средств, чтобы «действовать в вопросе о Лютере так, как велит долг, и уклоняться от того, что запрещает совесть»⁵⁵. Благодаря этому Лютеру удалось выстоять, хотя его существованию угрожали как папа, так и император. Так в мае 1521 г. он оказался в Вартбурге.

Какая же судьба при данных обстоятельствах была уготована собранию реликвий в Виттенберге? По иронии судьбы или, быть может, следовало бы лучше сказать, в результате таинственного стечения обстоятельств, средство, к которому прибег папа Лев X, намереваясь посеять рознь между курфюрстом и еретиком, заключалось в предоставлении первому совершенно беспрецедентного права торговли индульгенциями. В результате виттенбергская

коллекция достигла пика своего развития в 1520 г., о чем уже шла речь выше⁵⁶. Фридрих Мудрый не упустил своего шанса. Тут в поле нашего зрения появляется секретарь и придворный капеллан Фридриха Георг Спалатин, одновременно являвшийся другом и доверенным лицом Лютера, человек, при всех своих способностях не обделенный и расчетливостью эконома.⁵⁷ Ему-то и поручил курфюрст составить и отпечатать к дате открытия коллекции – воскресению *Misericordia Domini* 1520 г. – афишу с детальным разъяснением публике сенсационных преимуществ новой кампании торговли индульгенциями⁵⁸.

Реакция Лютера лишний раз подчеркивает двусмысленный характер этой истории. При всем своем возмущении торговлей индульгенциями, он, тем не менее, довольно долго игнорировал и щадил реально существующее рядом с ним собрание реликвий — источник продажи индульгенций, — проявляя тем самым, очевидно, толерантность по отношению к политике собственного государя⁵⁹. Такое положение вещей начало меняться лишь в 1521 г. благодаря особым обстоятельствам и имело знаменательные последствия.

Вероятно, три четверти года (май 1521 – февраль/март 1522 гг.), проведенные Лютером под именем Юнкера Йорга в инсценированном заточении у курфюрста в Вартбурге, были самым плодотворным периодом его жизни⁶⁰. После окончания вормского рейхстага настала пора «в высшей степени странной имперской опалы»⁶¹, когда отлученный еретик ответил на известие о наложении опалы свободолюбивым восклицанием: «Я прорвался!» К этому времени восходят его наиболее возвышенные духовные сочинения: толкование на «Магнификат», первый сборник проповедей (*Postille*). Было написано крупное полемическое сочинение против монашества, возник перевод Нового Завета. Между прочим, именно в это время произошло, насколько мы можем судить, внутреннее освобождение Лютера из-под власти курфюрста. Хотя в сложившихся условиях последний, пожалуй, еще более очевидно, чем прежде, оказывался

гарантом жизни первого, Лютер отважился публично с ним полемизировать.

Дискуссия разгорелась вокруг виттенбергской коллекции реликвий. Последняя была вновь открыта для посетителей «со всем великолепием, песнопениями, чтением и положенными мессами» (mit aller herlikait, singen, leßen und allen ampten, wie bißher) на день Всех святых 1521 г., хотя, впрочем, и без объявления о продаже индульгенций⁶². Несколько недель спустя Лютер, обращаясь к жителям Виттенберга, в следующих словах бичевал злоупотребление мессой в сочинении, составленном им в Вартбурге: «У вас появился... новый Беф-Авен⁶³, церковь Всех святых, которую герцог Фридрих унаследовал от своих предков и, будучи обманут папистами, порядком увеличил и перестроил. О, какое множество бедных людей можно было бы накормить в Саксонии из тех денег... Этот пример лишь усиливает опасение, что деньги и имущество князей чрезвычайно редко достаиваются того, чтобы быть использованными в христианских нуждах, равно как и редко иным образом приобретаются, нежели тем, каким добыл свое богатство и деньги Нимрод»⁶⁴. Считаясь с кодексом поведения, принятым в государстве раннего нового времени, и принимая во внимание сложившееся положение дел, это был невероятно дерзкий выпад⁶⁵, который, если и смягчался последующими словами Лютера, то несущественно: «Одним, однако, можете вы по милости Божией похвалиться – тем, что князь ваш не тиран и не дурак, но охотно внемлет истине и любит ее»⁶⁶. Даже для полемического задора, отличавшего начальную стадию памфлетной войны в эпоху Реформации, вызов, брошенный Лютером собственному курфюрсту, остается беспрецедентным: затронутым оказалось не только любимое детище курфюрста, сомнению подверглась мудрость его правления и даже добропорядочность. К тому же сделано это было публично и в непосредственном обращении к подданным. Тем не менее, текст был без промедления напечатан, да к тому же сразу в двух версиях –

латинской и немецкой — непосредственно в Виттенберге и даже, по всей вероятности, с одобрения двора, через который проходила вся корреспонденция Лютера⁶⁷.

Пожалуй, еще решительнее, хотя и в глубокомысленном богословском контексте, Лютер вновь затронул тему виттенбергских реликвий несколько недель спустя. В тот момент брожение, зревшее в Виттенберге на протяжении долгого времени и выражавшее стремление к реальному переустройству церковной организации согласно новому вероисповеданию⁶⁸, достигло критической точки. Лютер принял решение пренебречь преимуществами своего безопасного положения и вернуться в город с тем, чтобы обуздать народное движение. Цель своего возвращения он сообщил курфюрсту в письме, в котором безотрадность политической ситуации в Виттенберге напрямую связывалась с верой адресата в реликвии. Оно начиналось следующими словами: «Милость и благословение Бога Отца новой святыне. Эта форма приветствия более уместна теперь, милостивый государь мой, чем любое другое приветствие. Минуло уж много лет, как ваша княжеская милость распорядился ревновать во всех землях о стяжании реликвий, и ныне Бог услышал желание вашей княжеской милости и послал без всяких затрат и трудов целый крест с гвоздями, копьями и бичами. Так что я повторяю лишь вновь: милость и благословение Божие новой святыне! Ваша княжеская милость, не убойтесь же, но прострите в спокойствии руку и пусть гвоздь вонзится в нее глубже, возблагодарите и пребывайте в веселии! И так должно быть и будет [с тем — *прим. перев.*], кто хочет стяжать слово Божие...»⁶⁹.

Это должно было бы значить буквально следующее: жизнь христианина не сводима к культу святых реликвий и магических объектов, равно как и спасение христианина не зависит от дел благочестия — причудливых, отчаянных деяний, которые лишены, пожалуй, меры, но совершаются людьми. Жизнь христианина представляет собой, между тем, элементарный процесс узнавания,

принятия и следования факту реальности Божества – в той мере, в какой этот факт обнаружил себя в жизни и смерти Иисуса из Назарета. Курфюрст получал, таким образом, настойчивую рекомендацию радикально пересмотреть свои воззрения на благочестие. Реакция, последовавшая с его стороны, вновь удивляет своей мягкостью: он откомандировал в Вартбург порученца, который, запретив Лютеру отправляться в путь, должен был, однако, рассказать ему о растерянности правительства перед лицом беспорядков в Виттенберге. Была составлена специальная инструкция, в которой Фридрих Мудрый коснулся и той игры ассоциаций, на которую Лютер отважился в связи с реликвией св. Креста. При этом неуверенность, владевшая курфюрстом, заметна даже на стилистическом уровне: «Если бы его милость [т.е. курфюрст – прим. перев.] доподлинно знал, что является добрым и истинным Божиим Произволением, за что имело бы смысл страдать и терпеть, как то суждено его милости, его курфюршеская милость не имел бы оснований жаловаться. Ведь если это истинный крест и святыня, посланная Богом, то его курфюршеская милость не пренебрег бы ею, но, поскольку Господь сказал, что иго его сладко, а ноша легка, его курфюршеская милость с радостью понес бы крест, коль скоро он от Бога»⁷⁰.

Ответное письмо Лютер написал, уже находясь на пути в Виттенберг, оправдывая в нем свое неповиновение воле курфюрста: «...я еду в Виттенберг, располагая гораздо более высокими гарантиями собственной безопасности, чем мог бы получить от курфюрста. Я ведь даже и в мыслях не имею просить у вашей курфюршеской княжеской милости защиты. Я убежден, что сумею действеннее защитить вашу курфюршескую княжескую милость, чем он смог бы защитить меня... В этих делах меч не должен да и не может служить ни советником, ни помощником, тут должен творить один лишь Бог, без какого бы то ни было человеческого участия и содействия. Посему: кто крепче в вере, тот сможет и других защищать действеннее. Поскольку я теперь чувствую, что ваша курфюршеская княжеская милость еще весьма слаб

в вере, я ни в коем случае не могу считать вашу курфюршескую княжескую милость за человека, который смог бы меня защитить или спасти»⁷¹.

Л. фон Ранке назвал обстоятельства этой переписки «событием мирового масштаба»⁷². Будучи в опале и действуя тем не менее вопреки курфюрсту с тем лишь, чтобы выступить против собственных сторонников в Виттенберге, Лютер ставил себя между двух фронтов. Быть может, именно поэтому он сумел в описанной ситуации сформулировать один из основных текстов своей жизни, где, пожалуй, с максимальной отчетливостью передана та квинтэссенция христианства, о которой он радел. Я имею в виду вступительные фразы первой из восьми т.н. Возгласительных проповедей (Invokavitpredigten), с которыми Лютер в течение восьми дней после своего возвращения (с 9 по 16 марта 1522 г.) обращался к виттенбергской общине и сумел склонить ее к миру. «Мы все обречены на смерть, и ни один не умрет за другого, но каждый сам будет бороться со смертью. Мы могли бы сколько угодно голосить, но каждый из нас должен сам себя приуготовить к часу смерти: ведь ни я не смогу быть с тобой, ни ты – со мной. Для этого каждый должен сам для себя познать основы веры, касающиеся любого христианина, и вооружиться ими. А они суть те самые, о которых вы от меня много дней тому назад уже слышали. Во-первых, поскольку все мы являемся детьми гнева, то и всякий наш труд, чувства и мысли совершенно ничтожны... Во-вторых, Бог послал нам своего едиnorodного Сына с тем, чтобы мы в Него верили, и тот, кто будет Ему доверять, освободится от греха и станет сыном Божиим... В-третьих, мы должны обладать любовью, и по той любви делать друг другу то, что Бог нам сделал по вере... В-четвертых, не обойтись нам без терпения»⁷³.

В этих фразах, которые как по времени их записи, так и по смыслу весьма близки тексту писем к курфюрсту, было, пожалуй, непревзойденным образом выражено то содержание, которое, собственно говоря, изначально составляло центральный мотив

христианской веры: смерть Иисуса из Назарета в полном одиночестве на кресте считалась единственным спасительным событием, освобождающим от власти греха и смерти.

V.

Мы ненадолго выпустили из вида наш стакан. Он попадаетеся нам снова – в пятый и последний раз – примерно через 20 лет после только что описанных событий, в ноябре 1541 г. Сцена, нас занимающая, разыгрывается в доме Лютера в Виттенберге, двери которого и теперь еще открыты для посетителей. Лютер – к тому времени уже женатый человек, отец семейства, глава дома – восседает за длинным столом, его застольные речи специально записывают. Один из ближайших учеников, Йоханнес Матезиус, назначенный незадолго до того пастором в чешском Йоахимстале (известном также как просто Таль) рассказывает следующее: «В 41 году, получив место в Тале, привел я ко столу Доктора семерых посланцев. Он был с ними весел и добродушен и, поскольку некоторые среди пришедших были певцами, захотелось ему послушать, какую музыку исполняют в Тале. И вот он ставит на стол хрустальный стакан, который, как говорят, принадлежал св. Елизавете, собственноручно наполняет его и пускает по кругу»⁷⁴.

Дальнейшая судьба курфюршеской коллекции реликвий была предрешена в 1522 г. Собрание выставлялось повторно как в этом году, так и на следующий год, и публика, насколько мы можем судить, получила даже возможность обозреть ее в специально для этой цели отстроенном⁷⁵ сводчатом помещении⁷⁶. Между тем письмо Спалатина от 28 июля 1522 г., адресованное агенту, по поручению курфюрста закупавшему реликвии в Венеции, является чем-то вроде панихиды по коллекции. В немногих словах оно ставит адресата в известность, что в Виттенберге больше не нуждаются в его товаре. И далее следует контрпредложение: весь собранный материал может быть переправлен

ему обратно для последующей продажи: «Ибо люди здесь в ту меру образумились, что, будучи научены словом Божиим, придерживаются мнения (и оно истинно), что христианину достаточно веры, доверия к Богу и любви к ближнему»⁷⁷.

В первые недели Крестьянской войны 1525 г. умер курфюрст Фридрих Мудрый. Будучи уже при смерти, он причастился под обоими видами и, таким образом, полностью (уже не только как политик) перешел на сторону Лютера. Именно с этих пор, кажется, виттенбергское собрание окончательно исчезает из поля зрения общественности, хотя оно и сохраняло, по-видимому, до 1540-х гг. свою целостность и было расформировано лишь позднее. Как бы то ни было, наиболее ценные предметы подверглись инвентаризации и были «распределены» в зависимости от содержания в них серебра. Это означает, вероятно, лишь то, что их собирались переплавить⁷⁸, а акцию эту следует, возможно, рассматривать в связи с подготовкой Шмалькальденского союза к брауншвейгской войне. Бокал св. Елизаветы, краеугольный камень коллекции, к тому же не годный к переплавке, получил Лютер⁷⁹, предположительно, как дар курфюрста Иоганна Фридриха: стакан являлся как-никак родовой собственностью дома Веттинов. Если такая реконструкция событий соответствует действительности, то на тот момент, когда из него пил Лютер, бокал, должно быть, недавно находился в его распоряжении. Во всяком случае, за десять лет до описанной сцены стакан ему, видимо, еще не принадлежал. В то время он воскликнул, сидя как-то за столом: «У меня есть жена, три ребенка и кубков на двести гульденов»⁸⁰.

В целом ряде случаев св. Елизавета играет важную роль в сочинениях Лютера. Дело в том, что она относится к тому весьма узкому кругу средневековых святых, которых он считал достойными почтения без всяких оговорок. Нам неизвестно ни одно порицающее ее высказывание, которое приписывалось бы Лютеру. Он знал ее житие, порой почтительно его цитировал⁸¹ и называл ее при случае «наша» святая Елизавета,⁸² ставя на одну ступень с Августином,

Иеронимом, Амвросием, Бернаром Клервоским и Франциском – т.е. определял ей высшую степень авторитетности, которая для него существовала: «Я рад мысли, что святая Елизавета из Марбурга святая»⁸³. Впрочем, высказываясь таким образом, Лютер никогда не упускал случая отмежеваться от представления, будто деяния святых могут иметь какую бы то ни было заслугу перед Богом или же что их заслуги могут быть переносимы на других. И уж вовсе безумным представлялось ему, чтобы отсюда возникало поклонение останкам святых: «Бог не есть там, где святые лежат во гробах, но там, где Он говорит, где присутствует Его слово, – там и Он есть»⁸⁴.

Застолье в доме Лютера оказывается, таким образом, сценой, в которой с отчетливостью проявляется столкновение двух эпох. Настроение присутствующих приподнято: духовная жизнь, словно образцовое хозяйство, отчищена до блеска; из стакана пьют в час веселья, а не скорби и к тому же поют вместо того, чтобы креститься. Если рассматривать эту сцену, исходя из религиозного мировосприятия средневековья, по спине забегают мурашки – и это при том, что здесь вовсе не было ни пьяной попойки⁸⁵, ни нового рода иконоборчества, а просто освященный бокал стал по случаю праздника исполнять ту самую функцию, которая была ему предписана природой и изготовителем. Бокал был «расколдован»: никто больше не связывал с ним действие высших сил. Если прежде он относился к числу предметов, стабилизовавших сакральный порядок жизни, обеспечивавших единство церкви и мира, то теперь на его примере проявляется разрушение прежних принципов. Вдруг замечаешь, что средневековье, по образному выражению Генриха Хаймпеля, сделалось «невозможным»⁸⁶. Описанная сцена столь же обыденна, сколь прозаичен с тех пор и сам протестантизм – часть той платы, которую пришлось внести за предпринятое Лютером «сгущение» христианства.

Итак, я заканчиваю, но перед тем возвращаюсь к современности. Сегодня бокал св. Елизаветы выставлен в музейном

собрании крепости Кобург. Лишь в 1910 г. среди почти 1600 стаканов, входящих в состав коллекции, он был идентифицирован как бокал св. Ядвиги и лишь двумя годами позже опознан как стакан, принадлежавший некогда св. Елизавете и Лютеру. Соответствие бокала рисунку Кранаха вполне очевидно, в том числе и в деталях. Что происходило со стаканом в течение 369 лет между 1541 и 1910 гг. и как он оказался в крепости Кобург, не знает никто⁸⁷. В витрине он мало чем отличается от остальных бокалов. Посетитель, избалованный обилием красивого стекла, не в состоянии понять, что перед ним – особенный предмет. Однако, в еще меньшей степени способен он проникнуть в его удивительную историю.

Лютер и его реликвия...

¹ Подробные сведения об этом стакане см. также в статье: *Koch R.* Der Glasbecher der heiligen Elisabeth in Coburg // Sankt Elisabeth – Fürstin, Dienerin, Heilige: Ausstellungskatalog. Marburg, 1981. S. 272-284, 535.

² Ibidem. S. 274.

³ Обильные ссылки на более старую литературу по данному вопросу см. в указанной в сн. 1 статье Р.Коха. Сообщение о последней находке (два фрагмента стакана были найдены в замке Вайбертрой близ Вайнсберга) см.: *Koch R.* Schliffgläser des hohen Mittelalters // Archäologisches Korrespondenzblatt. 1977. Jg. 7. S. 229-234. Каталог ранее известных фрагментов: *Lamm C.J.* Mittelalterliche Gläser und Steinschnittarbeiten aus dem Nahen Osten. Berlin, 1930. Bd. 1. S. 171-175. Сравни штриховой рисунок: Ibidem. Bd. 2. Tafel 63.

⁴ Этот факт подчеркивает в своей статье Р. Кох.

⁵ См.: *Philippe J.* Reliquaires médiévaux de l'Orient chrétien en verre et en cristal de roche conservé en Belgique // Bulletin de l'Institut archéologique liégeois. 1974. N 86. P. 245-288, особ. P. 247 и далее; *Flemming J.* Byzantinische Schatzkunst. Berlin, 1979. S. 87 и далее.

⁶ *Schmidt R.* Die Hedwigsgläser // Jahrbuch des Schlesischen Museums für Kunstgewerbe und Altertümer. 1912. Jg. 6. S. 53-78.

⁷ См.: *Gottschalk J.* St. Hedwig, Herzogin von Schlesien. Köln etc., 1964. Беспозна для нашего обзора кн.: *Walter E.* Studien zum Leben der hl. Elisabeth, Herzogin von Schlesien. Stuttgart etc., 1972.

⁸ Vita Sanctae Hedwigis // Monumenta Poloniae historica. Kraków, 1884. T. 4. P. 528—529.

⁹ О ней см., в первую очередь, названный в сн. 1 каталог марбургской выставки 1982-1983 гг.

¹⁰ Monumenta Poloniae historica... P. 582.

¹¹ «Скит святой Елизаветы» (лат). См.: *Kremer J.* Beiträge zur Geschichte der klösterlichen Niederlassungen Eisenachs im Mittelalter. Fulda, 1905. S. 82 и далее., особ. S. 90.

¹² Как следует из письма гвардиана и конвента двух францисканских монастырей в Эйзенахе, датированного 11 ноября 1491 г., адресатом которого выступает саксонский курфюрст Фридрих Мудрый, первая супруга герцога Вильгельма III (Анна Австрийская), родившая ему в 1449 и 1453 гг. двух дочерей, предчувствуя скорые схватки, послала за

реликвиями и, по всей видимости, так их у себя и оставила (*Kremer J.* Op. cit. S. 90). Таким образом, в момент перехода Тюрингии к Веттинам реликвии еще не находились в их владении (этой точки зрения придерживается Р. Кох: *Koch R.* Der Glasbecher. S. 535).

¹³ См.: *Deutsche Privatbriefe des Mittelalters* / Hg. von G. Steinhausen. Berlin, 1899. Bd. 1. S. 120-121, где опубликовано письмо жены курфюрста Анны Бранденбургской от 21 марта 1474 г. Ср.: *Politische Correspondenz des Kurfürsten Albrecht Achilles* / Hg. von F. Priebsch. Leipzig, 1894. Bd. 1. S. 644; Leipzig, 1897. Bd. 2. S. 350—351.

¹⁴ Генеалогические связи и конкретные факты можно без труда извлечь из справочников. См., напр.: *Isenburg W.K. von; Loringhoven F. Freytag von.* Europäische Stammtafeln. 2. Aufl. Frankfurt a.M., 1953. Bd. 1. Я воздерживаюсь поэтому от подробных ссылок.

¹⁵ 11 августа 1471 г. Маргарита Саксонская просила своего кума Вильгельма III о присылке реликвий для своей невестки Сидонии. 27 августа родился герцог Георг.

¹⁶ «... zu gluckseliger, sneller geburt». - *Deutsche Privatbriefe...* S. 120. Anm.; *Politische Correspondenz...* Bd. 1. S. 644.

¹⁷ «... viel weins in den kopf giessen lassen, den in neue gefeß gefasset, armen frauen mitzutailen». — Ibidem.

¹⁸ См.: *Franz A.* Die kirchlichen Benediktionen im Mittelalter. Freiburg i.Br., 1909. Bd. 2. S. 194 и далее; *Doyé F. v. S.* Heilige und Selige der Römisch-katholischen Kirche, deren Erkennungszeichen, Patronate und lebensgeschichtliche Bemerkungen. Leipzig, 1930. 2 Bde (см. индекс в конце издания); *Veit L.A.* Volksfrommes Brauchtum und Kirche im deutschen Mittelalter. Freiburg i.Br., 1936. S. 154 и далее.

¹⁹ См.: *Huyskens A.* Quellenstudien zur Geschichte der hl. Elisabeth, Landgräfin von Thüringen. Marburg, 1908; *Idem.* Der sog. Libellus de dictis quatuor ancillarum s. Elisabeth confectus. Kempten, etc., 1911.

²⁰ С литературой, указанной в сн. 18, сравни: *Geburt* // *Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens.* Berlin, etc., 1930-1931. Bd. 3. S. 412 и далее.

²¹ Ср.: *Küch F.* Zur Geschichte der Reliquien der Heiligen Elisabeth // *Zeitschrift für Kirchengeschichte.* 1927. Jg. 45. S. 198-215, особ. 204—205.; *Idem.* Der Schatz der Elisabethkirche zu Marburg // *Hessenland.* 1932. Jg. 43. S. 2-10, особ. S. 5—6. отождествление хранящегося в Клагенфурте мнимого плаща св. Елизаветы с марбургской реликвией (*Küch F.* Der Schatz. S. 6) представляется сомнительным, ср. по этому вопросу указанный в сн. 1 каталог (S. 541 и далее.). В целом, следует иметь в виду, что, с одной стороны, в сокровищнице эйзенахских францисканцев наряду со стаканом хранился также плащ св. Елизаветы (*Kremer J.* Op. cit. S. 89), а с другой стороны, в Марбурге кроме плаща наличествовал один из ее стаканов, «происходящий, как говорят, из Венгрии» (*Küch F.* Der Schatz. S. 6).

²² Кроме двух дочерей гессенского ландграфа Генриха III (графини Елизавет Нассау-Диленбургской и герцогини Матильды Юлих-Бергской) к помощи плаща прибегла также графиня Анна Зольмс-Браунфельская, хотя она и не имела родственных связей с домом Брабант. Ф. Кюх упоминает под 1511 г., правда, без точной ссылки еще один случай отправления реликвии двору Зольмсов в Лих. Здесь, впрочем, не удастся связать факт пересылки реликвии с родами. Во всех остальных случаях данные генеалогических таблиц подтверждают, что требование пересылки определялось подготовкой к родам, а не болезнью получательницы, как это утверждает Ф. Кюх.

²³ Ср.: *Graus F.* Volk, Herrscher und Heiliger im Reich der Merowinger: Studien zur Hagiographie der Merowingerzeit. Praha, 1965; *Prinz F.* Heiligenkult und Adelsherrschaft im Spiegel merowingischer Hagiographie // *Historische Zeitschrift.* 1967. Jg. 204. S. 529-544.

²⁴ Ср.: *Demandt K.E.* Verfremdung und Wiederkehr der Heiligen Elisabeth // *Hessisches Jahrbuch für Landesgeschichte.* 1972. Jg. 22. S. 112-161, здесь S. 124.

²⁵ Консолидация власти Веттинов в Тюрингии XV в. еще не завершилась, некоторые современники признавали лишь гессенских потомков св. Елизаветы в качестве законных ландграфов тюрингских. См.: *Patze H.* Verfassungs- und Rechtsgeschichte [Thüringens] im hohen und späten Mittelalter // *Geschichte Thüringens* / Hg. von H. Patze; W. Schlesinger. Köln, etc., 1974. Bd. 2,1. S. 215-382, здесь S. 237.

²⁶ *Demandt K.E.* Op. cit. S. 122 и далее, S. 142.

²⁷ Рисунок не упоминается в книге: *Rosenberg J.* Die Zeichnungen Lucas Cranachs d.Ä. Berlin, 1960. Сопроводительная надпись гласит: «Четвертым номером в четвертом проходе выстачен стакан св. Елизаветы-вдовы, содержащий частицы ее плаща и мощей святых мучеников Евстахия и Косьмы, частицу руки св. Килиана, частицы мощей свв. Колоната и Тотуана, частицу главы св. Маврикия, кусочек знамени св. Георгия вместе с частицами его мощей, а также частицы мощей св. Христофора» («Das iiii im vierden gang || Vitrum Sanctae elizabeth vidue continens reliquias de || Camisia eius et Sanctorum Eustachij Cosime martirum ||

De brachio s. kyliani, De s. colonato et totuano [sic!] || De capite s. mauricij, De vexillo s. Georgij || et eius reliquias et de s. Cristoforo»). О веймарском сборнике, содержащем данный рисунок, см. подробнее в: *Die Denkmale der Lutherstadt Wittenberg / Bearb. von F. Bellmann u.a. Weimar, 1979. S. 257.*

²⁸ *Hollstein F.W. German Engravings, Etchings and Woodcuts 1400-1700. Blaricum, 1959. Vol. 6. P. 74. Илл. см. в сн. 30.*

²⁹ Гравюру выполнил, видимо, издатель книги – уроженец Страсбурга Зюмфориан Райнхарт, см.: *Koepplin D. u.a. Lukas Cranach: Gemälde, Zeichnungen, Druckgraphik. Ausstellung im Kunstmuseum Basel, 15. Juni bis 8. September 1974. Basel; Stuttgart, 1974. Bd. 1. S. 335.*

³⁰ Факсимильное издание: *Wittenberger Heiligthumsbuch / Illustriert von Lucas Cranach dem Älteren. München, 1883.* См. указание, что книга вышла в 1509 г. сразу двумя тиражами в статье: *Schulte-Strathaus E. Die Wittenberger Heiligtumsbücher vom Jahre 1509 mit Holzschnitten von Lukas Cranach // Gutenberg-Jahrbuch. 1930. S. 175-186.* Ср. далее: *Schade W. Die Malerfamilie Cranach. Dresden, 1974. S. 31* и далее; *Koepplin D. Op. cit. Bd. 1-2. Passim.*

³¹ *Beißel S. Die Verehrung der Heiligen und ihrer Reliquien in Deutschland während der zweiten Hälfte des Mittelalters. Freiburg i.Br., etc., 1892. S. 123—124.*

³² *Moeller B. Frömmigkeit in Deutschland um 1500 // Idem. Die Reformation und das Mittelalter: kirchenhistorische Aufsätze. Göttingen, 1991. S. 73-85* (впервые эта статья была опубликована в журнале: *Archiv für Reformationsgeschichte. 1965. Jg. 56. S. 5-32.*)

³³ Ср. также, несмотря на ошибочность некоторых центральных тезисов (об этом подробнее в сн. 65): *Kalkoff P. Ablaß und Reliquienverehrung an der Schloßkirche zu Wittenberg unter Friedrich dem Weisen. Gotha, 1907.* См. далее: *Köstlin J. Friedrich der Weise und die Schloßkirche zu Wittenberg: Festschrift zur Einweihung der Wittenberger Schloßkirche am Tage des Reformationsfestes, den 31. Oktober 1892. Wittenberg, 1982; Flemming P. Zur Geschichte der Reliquiensammlung der Wittenberger Schloßkirche unter Friedrich dem Weisen // Zeitschrift des Vereins für Kirchengeschichte der Provinz Sachsen. 1917. Jg. 14. S. 87-92* и работы *Die Denkmale der Lutherstadt. S. 257ff.* Ср. лит., указанную в сн. 39.

³⁴ *Ludolphy I. Die religiöse Entwicklung Friedrichs des Weisen, Kurfürst von Sachsen, vor der Reformation als Voraussetzung seiner Lutherschutpolitik // Jahrbuch für die Geschichte des Protestantismus in Österreich. 1980. Jg. 96. S. 74-89, здесь S. 83.*

³⁵ Об описях коллекции, предшествовавших составлению «Книги святынь» 1509 г. ср.: *Die Denkmale der Lutherstadt. S. 257—258.* Особенно информативны сообщения, приводимые под 1507 г. в: *Haußleiter J. Die Universität Wittenberg vor dem Eintritt Luthers: nach der Schilderung des Mag. Andreas Meinhardi vom Jahre 1507. Leipzig, 1903. S. 22* и далее.

³⁶ См.: *Kalkoff P. Op. cit. S. 64—65.; Die Denkmale der Lutherstadt. S. 258—259.*

³⁷ *Kalkoff P. Op. cit. S. 65.*

³⁸ Основополагающей для этой темы остается кн.: *Redlich P. Cardinal Albrecht von Brandenburg und das Neue Stift zu Halle 1520-1541: eine kirchen- und kunstgeschichtliche Studie. Mainz, 1900. Особ. S. 228* и далее.

³⁹ См.: *Kirn P. Friedrich der Weise und die Kirche: seine Kirchenpolitik vor und nach Luthers Hervortreten im Jahre 1517; dargestellt nach den Akten im Thüringischen Staatsarchiv zu Weimar. Leipzig, 1926; Ludolphy I. Op. cit.; Stephan B. Kulturpolitische Maßnahmen des Kurfürsten Friedrich III., des Weisen, von Sachsen // Luther-Jahrbuch. 1982. Jg. 49. S. 51-95.*

⁴⁰ Корреспонденция с агентом в Венеции Буркардом Шенком фон Зинау опубликована в: *Bibliothek der Kirchengeschichte / Hg. von Ch.W. Schneider. Weimar, 1781. Bd. 2. S. 1-90.* О «командировках» курфюршеского духовника Якоба Фогта см.: *Flemming P. Zur Geschichte der Reliquiensammlung. S. 88—89.*

⁴¹ *Ludolphy I. Op. cit. S. 84.*

⁴² Ср.: *Paulus N. Geschichte des Ablasses im Mittelalter. Paderborn, 1922-1923. 3 Bde; Benrath G.A. Ablaß // Theologische Realenzyklopädie. Berlin, 1977. Bd. 1. S. 347-364.*

⁴³ Точные данные приведены в: *Kalkoff P. Op. cit. S. 9* и далее.; *Haußleiter J. Op. cit. S. 25—26.*

⁴⁴ *Kalkoff P. Op. cit. S. 66.* О понятии *Quadrage* (или *Carene*) см.: *Paulus N. Op. cit. Bd. 2. S. 80* и далее; *Jungmann J.A. Quadrage // Lexikon für Theologie und Kirche. 2. Aufl. Freiburg i.Br., 1963. Bd. 8. S. 909—910.*

⁴⁵ *Redlich P. Op. cit. S. 243.* О контексте в целом ср.: *Paulus N. Op. cit. Bd. 3. S. 291—292.*

⁴⁶ *Haußleiter J. Op. cit. S. 26.*

⁴⁷ Согласно описям, предшествовавшим составлению «Книги святынь» 1509 г. и относящимся, скорее всего, к 1507 г. (см. сн. 35), равно как и согласно процитированной в сн. 27 легенде к рисунку, стакан был выставлен не во главе собрания, но в четвертой

«галерее». Справка относительно описей была любезно предоставлена мне сотрудниками университетской библиотекой г. Иены.

⁴⁸ Предпринятая эйзенахскими францисканцами в 1491 г. попытка вытребовать у Веттинов свою реликвию обратно потерпела, таким образом, неудачу (*Kremer J.* Op. cit. S. 90). Был ли им возвращен, по крайней мере, пояс св. Елизаветы, который отсутствует в Виттенберге? Ложка оказалась в виттенбергском собрании позже, а около 1600 года она снова объявилась в Веймаре (*Burkhardt C.* Über Kopf und Becher, Gürtel und Tasche der heiligen Elisabeth // *Zeitschrift des Vereins für thüringische Geschichte und Altertumskunde.* 1861. Bd. 4. S. 228-230, здесь 230.

⁴⁹ *Kalkoff P.* Op. cit. S. 56.

⁵⁰ Привести сколько-нибудь удовлетворительную библиографию, которая бы отразила развитие богословского учение Лютера, не представляется в данном случае возможным. Ограничусь, таким образом, ссылкой на одну недавнюю заслуживающую доверия работу, посвященную ранним воззрениям Лютера: *Brecht M.* Martin Luther. Sein Weg zur Reformation 1483-1521. Stuttgart, 1981.

⁵¹ *Blaschke K.H.* Kurfürst Friedrich der Weise von Sachsen und die Luthersache // *Der Reichstag zu Worms von 1521: Reichspolitik und Luthersache; im Auftrag der Stadt Worms zum 450-Jahrgedenken* / Hg. von F. Reuter. Worms, 1971. S. 316-335, *Bornkamm H.* Kurfürst Friedrich der Weise (1463-1525) // *Archiv für Religionsgeschichte.* 1973. Jg. 64. S. 79-85. Ср. далее лит., приводимую в сн. 39.

⁵² *Bornkamm H.* Kurfürst Friedrich. S. 83.

⁵³ Ср. по этому сюжету: *Ludolph I.* Haben sie tatsächlich nie miteinander gesprochen? // *Luther: Zeitschrift der Luther-Gesellschaft.* 1982. Jg. 53. S. 115-121.

⁵⁴ Впрочем, представляется ошибочным появившееся в исследовательской литературе мнение о том, что выступление Лютера против индульгенций «без затруднений [вписывалось] в официальную политику Фридриха Мудрого», поскольку последний хотел тем самым нанести ущерб Гогенцоллернам, получавшим наибольшие преимущества от кампании продажи индульгенций св. Петра (Peterablaß). *Borth W.* Die Luthersache (Causa Lutheri) 1517-1524. Lübeck, 1970. S. 21—22.

⁵⁵ *Kirn P.* Op. cit. S. 163.

⁵⁶ На это указал в своей книге Калькоф (*Kalkoff P.* Op. cit.); дальнейший его тезис о том, что курфюрст к тому времени уже охладил к коллекции реликвий, впрочем, неверен: такая трактовка упрощает позицию Фридриха Мудрого.

⁵⁷ *Höss I.* Georg Spalatin 1484-1545: ein Leben in der Zeit des Humanismus und der Reformation. Weimar, 1956.

⁵⁸ *Kalkoff P.* Op. cit. S. 47, 107—108.

⁵⁹ В 1541 г. в полемике «Против Ганса Ворста» Лютер вспоминает, что он еще до начала спора об индульгенциях впал в немилость у герцога Фридриха за произнесение в дворцовой церкви Виттенберга проповеди «против продажи индульгенций...» (не сохранилась, упоминание в: *D. Martin Luthers Werke. Kritische Gesamtausgabe (Weimarer Ausgabe).* Mit den Abteilungen Schriften, Briefe, Tischreden und Deutsche Bibel. Weimar, 1883-2000 (далее WA). 51. S. 539. Z. 8-10). Беглое упоминание виттенбергской коллекции в Послании ко дворянству (WA 6. S. 449. Z. 20-22) я оставляю без внимания.

⁶⁰ Подробнее о нижеследующем см.: *Bornkamm H.* Martin Luther in der Mitte seines Lebens: das Jahrzehnt zwischen dem Wormser und der Augsburger Reichstag. Göttingen, 1979. S. 15 и далее.

⁶¹ *Ebeling G.* Der kontroverse Grund der Freiheit. Zum Gegensatz von Lutherenthusiasmus und Lutherfremdheit in der Neuzeit // *Luther in der Neuzeit: wissenschaftliches Symposium vom 8. bis 11. September 1982 in Heidelberg des Vereins für Reformationsgeschichte* / Hg. von B. Moeller. Gütersloh, 1983. S. 20.

⁶² *Müller N.* Die Wittenberger Bewegung 1521 und 1522: die Vorgänge in und um Wittenberg während Luthers Wartburgaufenthalt; Briefe, Akten und dgl. Personalien. 2. Aufl. Leipzig, 1911. S. 25—26, ср. там же S. 30, 62—63. В статье Борнкама (*Bornkamm H.* Kurfürst Friedrich. S. 82) данное обстоятельство не учтено. Было ли Лютеру что-либо известно о подобной кампании, когда он писал нижеследующий текст, должно остаться за кадром.

⁶³ Осия 4:15; 10:5.

⁶⁴ «Ihr habt... eyn Bethaven bey euch, aller heyligen kirche, welche hertzog Friederich von seyn vorfarn er erbet hat und, durch die Papisten betrogen, trefflich gemert und erhaben. O wie vill armer leutt hett man davon ynn Sachssen erlernen können,... das auß dem exempel tzu forchten ist, das der Fursten geld unnd gutt gar seldom wyrdig ist, das es tzu Christlichen sachen gebraucht werde, gleych wie es wirt seldom anders gewonnen, denn Nymrod seyn gut und gelt gewonnen hat». — WA 8. S. 561. Z. 21-29. Латинская версия текста там же S. 475. Z. 20-27. Это место

лишь изредка цитируется в биографиях Лютера и очерках его взаимоотношений с курфюрстом.

⁶⁵ Насколько я могу судить, выпад этот стоит рассматривать в связи с делом вокруг выступления Лютера против кардинала Альбрехта и демонстрации реликвий в г. Галле в воскресенье после праздника Рождества Богородицы 1521 г. (*Redlich P.* Op. cit. S. 233). Отправным пунктом послужил написанный Лютером памфлет «Против кумиротворения в Галле», на издание которого курфюрстом был наложен запрет. См. основополагающую для данного сюжета статью: *Krodel G.G.* Wider den Abgott zu Halle // *Luther-Jahrbuch.* 1966. 33. S. 9-87. В последние недели 1521 г. Лютер не раз заводил речь о виттенбергской коллекции реликвий, в том числе и в связи с событиями в Галле, ср.: *WA Briefe* 2. Nr. 441. Z. 14-18 (письмо Спалатину от 22 ноября 1521 г.); *WA* 10/1/2. S. 39. Z. 40—41. (*Adventpostille.* Вторая проповедь на первый адвент, составлена, по-видимому, в конце ноября 1521 г.); *Müller N.* Op. cit. S. 159—160. (текст проповеди стал известен в Виттенберге в начале декабря 1521 г.).

⁶⁶ «Aber eyns mogt yhr euch durch die gnade gots wol rümen, das der Furst keyn tyran nach narr ist, der die warheynt gerne hort und leyden kan». — *WA* 8. S. 561. Z. 29 и далее.; S. 475. Z. 27-30.

⁶⁷ *Benzing J.* Lutherbibliographie: Verzeichnis der gedruckten Schriften Martin Luthers bis zum dessen Tod. Baden-Baden, 1966. Nr. 997; 1001. См. также: *WA Briefe* 2. Nr. 438. Z. 36; Nr. 443. Z. 3 и далее. Anm. 1. Не исключено, что согласие на издание было уступкой в виду гневной реакции Лютера на запрет, который упомянут под сн. 65.

⁶⁸ *Bornkamm H.* Martin Luther... S. 56 и далее. Основополагающей здесь по-прежнему остается кн.: *Müller N.* Op. cit.

⁶⁹ «Gnade vnnd gluck von gott dem Vater tzum newen heiligthum! Solchen gruß schreybe ich nü, M. gnedigster herr, an statt meyner erbietung. E.f.g. hatt nü lange iar nach heyligthum ynn alle land bewerben lassen, aber nü hatt gott e.f.g. begird erhoret vnnd heym geschickt on alle kost vnnd muhe eyn gantzcs creutz mit negelln, speren vnnd geysselln. ich sage aber mal: gnade vnnd gluck von gott tzum newen heyligthüm! Ew.f.g. erschreck nür nicht, ia strecke die arm getrost auß vnnd laß die negel tieffeygehen, iah danck vnnd sey frohlich! also muß vnnd soll es gehen, wer gottes wortt haben will...». — *WA Briefe* 2. Nr. 454. Z. 4-12 (около 24 февраля 1522 г.).

⁷⁰ «... wann seine Gnade eigentlich und gründlich wüßte, was in dem Gottes Willen recht und gut wäre, darob zu leiden, erdulden und lassen, was S.Gn. sollt, daß hätt S.Chf.Gn. fur sein Person kein Beswerde. Dann wann das sollt das recht Kreuz und Heiltumb von Gott sein, so hätten S.Chf.G. kein Entsetzung davor, sondern, weil Gott gesagt hätte, sein Joch wäre süß und sein Bürde leicht, so wollten S.Chf.G. das Kreuz, so sie wüßten, daß es von Gott sein sollte, gern tragen». — *WA Briefe* 2. Nr. 451. Z. 85-92.

⁷¹ «... ich komme gen Wittenberg in gar viel einem höhern Schutz denn des Kurfürsten. Ich hab's auch nicht im Sinn, von E.K.F.G. Schutz begehren. Ja ich halt, ich wolle E.K.F.G. mehr schützen, denn sie mich schützen könnte... Dieser Sachen soll noch kann kein Schwert raten oder helfen, Gott muß hie allein schaffen, ohn alles menschlich Sorgen und Zutun. Darumb: wer am meisten gläubt, der wird hie am meisten schützen. Dieweil ich denn nu spür, daß E.K.F.G. noch gar schwach ist im Glauben, kann ich keinerlei wege E.K.F.G. fur den Mann ansehen, der mich schützen oder retten könnte». — *WA Briefe* 2. Nr. 455. Z. 76-78 (от 5 марта 1522 г.). О том, что данное письмо произвело сильное впечатление на курфюрста и его окружение, свидетельствует более позднее упоминание о нем в *WA Briefe* 3. Nr. 668.

⁷² *Ranke L.v.* Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation // *Leopold von Ranke's Werke: Gesamtausgabe der Deutschen Akademie / Hg. von P. Joachimsen.* Reihe 1: Die historischen Werke. München, 1925. Werk 7. Bd. 2. S. 24. Я не затрагиваю здесь прочих проблем, связанных с возвращением Лютера из Вартбурга и его отношением к виттенбергскому движению, хотя они и редко, на мой взгляд, получают удовлетворительное истолкование в литературе.

⁷³ «Wir seindt allsamt zu dem tod gefodert und wirt keyner für den andern sterben, Sonder ein yglicher in eygner person für sich mit dem todt kempffen. In die oren künden wir woll schreyen, Aber ein yeglicher muß für sich selber geschickt sein in der zeyt des todt: ich würd denn nit bey dir sein noch du bey mir. Hierjnn so muß ein yederman selber die hauptstück, so einen Christen belangen, wol wissen und gerüst sein, und seindt die, die eüwer lieb vor vil tagen von mir gehört hat. Zum ersten, wie wir kinder des zorns seind und all unßer werck, synn und gedancken sonderlich nichts sein... Zum andern, das uns got sein eingebornen son gesant hat, auff das wir in jn gläuben, und der in jn vertrauwen wirt, sol der sünde frey sein und ein kind gottes... Zum dritten müssen wir auch die liebe haben und durch die liebe einander thun, wie uns got gethan hat durch den gläuben, on welche liebe der glaub nit ist... Zum Vierdten ist uns auch not die gedult». - *WA* 10/3. S. 1. Z. 7 – S. 2. Z. 5; S. 2. Z. 10-12; S. 3. Z. 5-7; S. 4. Z. 13.

⁷⁴ «Im 41. Jahr, als ich im Thal angestellt war, hab ich sieben Gesandte an des Doktors Tisch gebracht, mit denen er sehr fröhlich und guter Dinge war. Und weil etliche Sängler unter ihnen waren, gefiel ihms, daß er hören sollte, was man für Musiken im Thal hielte. Er holet auch übern Tisch ein kristallinen Glas, das Sanct Elisabeth sollt gewesen sein, darein schenket er selber und ließ einen Rundtrunck umhergehen». - *Mathesius J.* Luthers Leben in Predigten // *Idem.* Ausgewählte Werke / Hg. von G. Loesche. Prag, 1898. Bd. 3. S. 434. Ср. Также: *Volz H.* Die Lutherpredigten des Johannes Mathesius: kritische Untersuchungen zur Geschichtsschreibung im Zeitalter der Reformation. Leipzig, 1930. S. 204—205. Anm. 4.

⁷⁵ Die Denkmale der Lutherstadt. S. 260.

⁷⁶ *Kalkoff P.* Op. cit. Еще раз Лютер во всеуслышание обнаружил свою позицию по отношению к коллекции в конце трактата «Formula Missae et Communionis», написанном в декабре 1523 года (WA 12. S. 220. Z. 2-17). Там, парафразируя Иер. 7:31 слл. и 19:6 слл., он характеризует виттенбергскую церковь Всех святых как «Toreth illa sacrilega, quae principum Saxoniae impia et perdita pecunia est» или же как «domus omnium diabolorum».

⁷⁷ «Hic enim vel vulgus ita resipuit, ut verbo Dei edoctum satis sibi esse putet, ut re vera est, fide et fiducia erga Deum et charitate erga Deum et charitate erga proximum». - Bibliothek der Kirchengeschichte. S. 66—67. Ср. также полное возмущения ответное письмо Шенка: *Ibidem.* S. 68-75.

⁷⁸ Die Denkmale der Lutherstadt. S. 260.

⁷⁹ Факт дарения подтверждает также Матезиус: «Я видел среди прочего и хрустальный бокал, который, как говорят, принадлежал св. Елизавете, а позднее выставлялся как реликвия в виттенбергском дворце. Когда же идолослужение было упразднено, он был пожалован в дар покойному доктору Лютеру» (Ich habe auch ein Crystallinen Glaß gesehen / welches S. Elisabeth solle gewesen seyn / das man zu Wittenberg für heilthum im schloß gezeiget / und da die Abgötterei abgeschaffet / Doctor Luthern seligen geschencket hatte». - *Mathesius J.* Berg-Postilla oder Sarepta. Freyberg, 1679. S. 745).

⁸⁰ WA Tischreden 2. Nr. 1527. Кроме стакана св. Елизаветы сохранился, кажется, еще один предмет из виттенбергского собрания реликвий – бархатный лоскут от плаща Девы Марии. Он хранится ныне в университетской библиотеке города Иены (*Flemming P.* Zur Geschichte der Reliquiensammlung. S. 87).

⁸¹ WA 10/1/1. S. 257. Z. 18 – S. 258. Z. 3 (Kirchenpostille 1522); WA Tischreden 3. Nr. 3653 (1537).

⁸² WA Briefe 1. Nr. 157. S. 29—30. (письмо Спалатину, около 24 февраля 1519 г.).

⁸³ «Ich glewbe freudlich, S. Elisabeth zu Marburg sey heylig». - WA 15. S. 194. Z. 36 – S. 195. Z. 3. («Против нового идола и старого Сатаны»).

⁸⁴ «Got ist nicht, do die heiligen begraben ligen, sondern wu ehr redt, wu sein wortt ist, do ist ehr auch». — WA 14. S. 393. Z. 30-32 (Проповедь 1524 г.).

⁸⁵ Ср. реакцию католического полемиста Иоганна Наса на сообщение Матезиуса: по его версии, Лютер «vnnd sein trewlose Nunn jhren gesten... gute rundtrünck zugesuffen» (Ioan Nas. Quinta Centuria. Ingolstadt 1570. Bl. 122a, цит. по: *Volz H.* Op. cit. S. 28).

⁸⁶ *Heimpel H.* Der Mensch in seiner Gegenwart: acht historische Essais. 2. Auflage. Göttingen, 1957. S. 57.

⁸⁷ *Lenz O.* Das sogenannte Glas der hl. Elisabeth auf der Veste Coburg // Thüringische Monatshefte. 1934. Jg. 42. S. 40-42.

Пер. с нем. Ивана Иванова